

ИСТОРИЯ ИДЕЙ, ПОНЯТИЙ, ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

В.А. КОЖЕВНИКОВ

“НЕ ПО ЗАМЫШЛЕНЮ БОЯНЮ”, ИЛИ КАК КНЯЗЮ ИГОРЮ “БОГЪ ПУТЬ КАЖЕТЬ”

К ПРОБЛЕМЕ ГЛАВНОЙ ИДЕИ
«СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Книга А.А. Зализняка «“Слово о полку Игореве”: взгляд лингвиста» поставила точку в затянувшемся споре о подлинности «Слова». На основе лингвистического анализа Зализняк по сути *доказал*, что «Слово о полку Игореве» — не подделка, а памятник древнерусской литературы, созданный в XII в., а это значит, что бесплодные споры о подлинности «Слова», ещё в XVIII в. начатые А. Шлёцером, продолженные М.Т. Каченовским, французскими академиками Л. Леже и А. Мазоном, А.А. Зиминим, а также К. Тростом, Р. Айтцетмюллером, Э. Кинаном и другими «скептиками», можно, наконец, прекратить и заняться изучением «Слова», не обращая особого внимания на их сенсационные заявления и скандальные выпады.

А заняться есть чем. Ни одно произведение в мире не ставило перед учеными столько проблем, сколько «Слово о полку Игореве», хотя весь текст поэмы — семнадцать страниц. Изучению «Слова» посвящено более шести тысяч книг, статей и специальных исследований, а ученые всё спорят и спорят, определяя значение некоторых слов, предложений, целых фрагментов и знаменитых «темных мест».

Двести лет ученые ломают головы над загадкой Автора. Кто написал эту поэму? И где он жил, неведомый нам гений? А главное — что подвигло его на создание непревзойденного по своей красоте и мудрости шедевра? Чтó — может быть, самое важное в жизни — хотел он сказать своим современникам и через века донести до нас. И до тех, кто будет после нас...

* * *

В настоящее время главная идея поэмы сведена к формуле великого *немецкого* учёного Карла Маркса, который, прочитав гениальное *русское* «Слово» в переводе на *французский* язык, написал

своему другу и соратнику Фридриху Энгельсу: «Суть поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ. <...> Вся песнь носит героически-христианский характер, хотя языческие элементы выступают еще весьма заметно»¹. Эту *политическую формулу* знают все: она (чаще всего в усеченном виде) кочует из книги в книгу, из статьи в статью, её повторяют учителя на уроках литературы, профессора в университетах и все учебники — и школьные, и вузовские...

Между тем Марксово определение не только, на мой взгляд, не выражает главной идеи поэмы, но и затемняет её суть, ибо она с *первого до последнего слова* проникнута иной мыслью, иной идеей.

* * *

«Слово» начинается фразой «Нелѣпо ли ны бяшетъ братіе, начати старыми словесы трудныхъ повѣстий о полку Игоревѣ...» (4-6)².

Первые издатели перевели её, допустив существенную, если не сказать очень грубую, ошибку: «Пріятно намъ, братцы, начать древнимъ слогомъ прискорбную повѣсть о походѣ *Игоря*...»³. Получилось, что Автору «Слова» «приятно» рассказывать о гибели Игоревой дружины... Василий Андреевич Жуковский перевел иначе:

Не прилично ли будет нам, братия,
Начать древним складом
Печальную повесть о битвах Игоря⁴.

Это лучше, чем у Первых издателей, но ненамного, ибо непонятно: «прилично» или все же «не прилично» Автору повествовать о походе Игоря «древним складом», и если «не прилично», то почему...

Лучше других эту двусмысленность почувствовал Пушкин и первую строчку перевел с экспрессивным утверждением: «Не при-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 39 т. М.: Политиздат, 1955–1966. 2-е изд. Т. 29. С. 16.

² Все цитаты из «Слова о полку Игореве» даются по Екатерининской копии (с указанием в тексте статьи номера строк) по изданию: Слово о полку Игореве. М.: Дрвлекранилище, 2003.

³ Ироическая пѣснь о походѣ на половцовъ удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія съ переложениемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе. Москва: въ Сенатской Типографіи, 1800. С. 1. Далее сокращенно — Первое издание.

⁴ Жуковский В.А. Слово о полку Игореве // Слово о полку Игореве. 3-е изд. Л.: Советский писатель, 1985. С. 73.

лично, братья, начать старым слогом печальную песнь...»⁵. Догадка и перевод Пушкина замечательны, хотя, учитывая общий контекст и главную идею «Слова», точнее было бы сказать «непристойно»:

Непристойно было бы нам, братия,
начать старыми словами
повесть трудную
о походе Игорева,
Игоря Святославича.
Начатся же той песни по былинам сего времени,
а не по замыслению Бояню.

Но почему же «неприлично» или «непристойно» петь «старыми словесы», как пел *вещий* Боян? Ведь *вещий* — значит *мудрый*...

«БОЯНЬ БО ВЪЩІЙ»

Бояна и почитали мудрым, видя в нем искусного певца, сравнивая с соловьем, восхищаясь его талантом.

Первые издатели не сомневались, что Боян был «славнѣйший въ древности стихотворецъ Русской, которой служилъ образцемъ для бывшихъ послѣ него писателей»⁶. Карамзин писал о его «сладких гимнах»⁷, а Радищев обратился к нему с мольбой о ниспослании ему песенного дара: «*Боян, певец сладчайший, коего глас, соловьиному подобный, столь нежно щекотал слухи твоих современников; возложи, Боян, благозвонкие твои персты на одушевленные, на живые твои струны; ниспошли ко мне песнь твою из горних чертогов света, где ты в беседе Омира и Оссиана торжество поешь ироев древних или славу богов; ниспошли, и да звук ее раздастся во всех краях, населяемых потомками колен славянских*»⁸.

С Бояном сравнивали крупнейших поэтов эпохи — Ломоносова, Хераскова, Державина, а Сергей Глинка в 1808 г. «на случай открытия нового Императорского театра в Москве» сочинил слова для «Пролога с хорами и балетами» под названием «Боянь, Русской Пѣснопѣвецъ древнихъ времянь». Занавес раздвигался, и под звуки

⁵ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949. Т. 1–16. Т. 17 (Справочный) 1959. Т. 12. С. 149.

⁶ Первое издание. С. 2.

⁷ Карамзин Н.М. Избр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 156.

⁸ Радищев А.Н. Из песен, петьх на состязаниях в честь древним славянским божествам // Слово о полку Игорева. Л.: Советский писатель, 1952 (Библиотека поэта. Большая серия). С. 218.

торжественной музыки изумленные зрители видели гору Олимп, где вместе с древнегреческими богами восседал наш Боян с золотой лирой в руках, а хор вспоминал счастливые времена, когда

Гремел Боян златою лирой,
Гремел сей древних дней певец:
Славян, одеянных порфирой,
Пел блеск и счастье сердец⁹.

Боян вошел в моду, его имя стало, по замечанию Белинского, «риторической фразой»¹⁰, олицетворением идеального певца и самой поэзии... Со временем, правда, восторги при упоминании «славнейшего в древности стихотворца русского» поутихли, но для абсолютного большинства ученых и переводчиков Боян и теперь — «гениальный и прославленный представитель», «идеальный певец», «сладкоголосый сказитель», «человек, обладающий божественной силой песнопенья». Исследователи, считающие *вещего* Бояна *мудрым* провидцем, не сомневались и теперь не сомневаются в том, что Автор «Слова» говорит о нём «с подчеркнутым уважением» и «восторгается его песенным талантом». Между тем полисемантическое слово *вещий* значит не только *мудрый*... *Вещий* — это ещё и колдун, и волхв, и язычник.

Семантически не вызывающее сомнений *религиозно-языческое* значение слова *вещий* зафиксировано многими источниками¹¹.

⁹ Боянь, Русской Пѣснопѣвецъ древнихъ временъ: Прологъ съ хорами и балетами, на случай открытiя новаго Императорскаго театра въ Москвѣ, 1808 года Апрѣля 15 Сочиненный Сергѣемъ Глинкою. Музыка Господина Кашина. Москва, 1808. Въ вольной Типографiи Федора Любiя. 1808. С. 5.

¹⁰ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959. Т. VII. С. 366.

¹¹ См., напр.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986. С. 309; Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. В 3-х тт. М.: Современный писатель, 1995. Т. 1. С. 205-206; Т. 3. С. 210-292; Славянские древности: этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995–2004. Т. 1–3 (продолжающееся издание). Т. 1. С. 297-301, 367-368; Т. 2. С. 347-350 и др.; Влх. Велеслав. Вещий Словник: Славления Родных Богов. М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2005. С. 377-378; Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. М.: Прозерпина, ТОО «Школа», 1994. С. 35, 40, 99; Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. Т. 1. С. 336: «Вѣщій, кому все вѣдомо и кто вѣщаетъ будущее; прорицатель, предсказатель; || умный, мудрый, смотроць, предусмотрительный; || ряз. разсудительный, умно и красно говорящій. <...>

При этом отметим, что в древних русских летописях слово *вещий* встречается лишь один раз — в «Повести временных лет», в рассказе об успешном походе князя Олега на Царьград в 907 году, когда он повесил свой знаменитый щит на врата византийской столицы.

«И прозваша Ольга “вѣщій”, — говорит летописец и добавляет: — бяху бо людие погани и невѣголоси»¹². Иначе говоря, дружинники Олега, с точки зрения монаха-летописца, совершили нечто неподобающее: назвали князя *вещим* (т.е. «ведающим») нечто другим недоступное и творящим «чудеса»), потому что они были *язычниками* («людие погани») и, как следствие, людьми *невежественными* («невѣголоси»), ибо не знали истины христианской веры. Точно так же — «невегласи, погани» — называет летописец киевлян, которые в жертву своим кумирам хотели принести отрока-варяга¹³.

Вещий Олег лишь для язычников «мудрый», а для христиан языческая «мудрость», заключенная в слове *вещий*, была не только чужда, но и неприемлема. Стоит ли удивляться, что ни одного князя летописцы нигде и ни разу не назвали «вещим»: ни равноапостольного Крестителя Руси Владимира Святославича, ни великого князя Владимира Мономаха, ни Ярослава Владимировича, прозванного не Вещим, а Мудрым. И причина такого неприятия христианами слова *вещий* предельно ясна и понятна, ведь оно одного корня со словами *вещец*, *вещун*, *вещель*, *ведун*, *ведьмак*, *ведьма*.

В дохристианскую эпоху у славян *ведуны* и *ведьмы*, *вещуны* и *вещуны*, много ведавшие, много знавшие, были жизненно необходимы соплеменникам. Они понимали язык природы и потому умели предсказать, например, наступление холодной зимы или знойного лета. Они знали свойства трав и корней, из которых делали чудодейственные мази и снадобья. Однако в глазах соплеменников они были не просто целителями недугов: они были особо почитаемыми посредниками между людьми и богами. Ведовство воспринималось

Вѣщець, вѣщель пск. *вѣщунъ*, м. *вѣщица* ж. сиб. *вѣщунья, вѣщуйка* ж. *вѣжливецъ, вѣдунъ*, колдунъ, волхвъ; знахарь, гадалышкы, ворожея; видокъ, предсказатель, прорицатель, отгадчикъ; далеко видящій вперед, прозорливый челов. || *Вѣщица*, прм. *вѣдьма*...».

¹² Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. XI–XII века. С. 84.

¹³ Там же. С. 130.

как чудесный божий дар, связанный, кроме всего прочего, с умением защитить человека от нечистой силы и смертельной опасности.

С принятием христианства образ «вещих жонок», ведунов и колдунов был демонизирован. Ведьмам стали приписывать все беды и несчастья, якобы ими насылаемые, а также невероятные свойства и поступки: способность летать на помеле, похищать урожай, «скрадывать» звезды, луну и солнце; портить скот, спускаться в загробный мир, превращаться в животных и птиц, управлять стихиями и всячески вредить людям, в том числе и губя их души «сатанинскими» песнями и плясками, которые раньше были неотъемлемой частью религиозных языческих обрядов. Церковь преследовала всякого рода «вещих жонок» и ведьмаков, обладавших, надо сказать, незаурядными знаниями, способностями и даже талантами. Обладал ими и Боян. Его пение завораживало, и не все в такие далекие теперь времена могли понять, сколь смертельно опасным оно могло быть — с точки зрения христиан, естественно, и христианского вероучения...

В конце XII в. три страшные беды терзали Русь: внешние угрозы, внутренние усобицы и борьба с остатками язычества, которая принимала иногда самые ожесточенные формы. Принятию христианства яростно сопротивлялся Новгород: «В Новеграде людие, уведавши еже Добрыня идет крестити я, учиниша вече и заклѣшася вси не пустити во град и не дати идолы опровергнути»¹⁴. В Ростове «не хотяху креститися»¹⁵. Федор и Иларион, первые епископы Ростова, были вынуждены бежать от озлобления тамошних язычников, а святой Леонтий погиб: «его невернии, много мучивши, убиша...»¹⁶. В Муроме «неверные люди многие исполчишася и укрепилшася <...> не здашася»¹⁷. Языческие жрецы, влияние которых зачастую превосходило власть князя, не только прилюдно хулили христианскую веру, отговаривая народ креститься, но и возбуждали людей к открытому сопротивлению, убивали христианских пастырей, уходили в леса, разбойничали, поднимали восстания, которые жестоко подавлялись.

---

¹⁴ *Татищев В.Н.* История Российская: В 7 т. М.; Л.: Наука, 1962–1968. Т. I. С. 112.

¹⁵ Цит. по: *Рапов О.М.* Русская церковь в IX – первой трети XII вв. Принятие христианства. М.: Русская панорама, 1998. С. 296.

¹⁶ *Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский.* История Русской Церкви. Книга вторая. М., 1995. С. 546.

¹⁷ Цит. по: *Рапов О.М.* Указ. соч. С. 305.

В 1024 г. «въсташа вълъсви в суждалцихъ, избиваху старую чадь по дьяволу наученю и бѣсованію <...> И мятежь <был> великъ <...>. Слышавъ же Ярославъ (находившийся тогда в Новгороде. — В.К.) вълъхвы ты, и приде к Суждалю, изыма вълъхвы, расточи, и другия показни...»¹⁸. В 1030 г. язычники в Польше «избиша епископы, и попы, и бояры своя, и бысть мятежь въ нихъ»¹⁹.

Весьма вероятно, что в Киевском восстании 1068 года, когда был убит новгородский епископ Стефан, немаловажную роль сыграли язычники, исторгнувшие князя Всеслава из поруба и посадившие его, будущего героя «Слова о полку Игореве», на Киевский престол.

Через три года в Киев вновь «приде вълъхвъ, прельщень бѣсомъ», а в Ростовской области «въстаста два вълъхва», служащие антихристу, и убивали «многы жены»²⁰; а на Белоозере волхвы «убиша же ту попа Янева», за что их самих «повѣсиша я на дрѣвѣ»²¹.

В 1113 г. преподобный Кукша «како вятичи крести <...> и по многих муках усечен бысть с своим учеником Никоном»²².

В 1174 г. галичане, восстав против языческого обычая многоженства, сожгли любовницу князя Ярослава Анастасию, а самого князя приводили к присяге, чтобы жил с законной женою.

В 1227 г. новгородцы, сами недавние язычники, не ограничившись поучениями и увещеваниями, сожгли четырех волхвов по одному подозрению их в чародеяниях: «В лето 6735. Того же лета ижгоша вълхвы четыре — творяхуть е потворы деюще. А Бог весть! И съжгоша их на Ярославли дворе»²³.

О страшной казни в 1411 г. сообщает Псковская Вторая летопись: «Того же лѣта Псковичи сожгоша 12 жонке вѣщихъ»²⁴.

Борьба Церкви и зачастую скорых на расправу новообращенных христиан с язычниками, упорствующими в своих заблуждениях, и всякого рода колдунами, ведьмами, «вещими жонками», оборотнями и прочими идолопоклонниками, продолжалась достаточно

¹⁸ Повесть временных лет. С. 190.

¹⁹ Там же. С. 192.

²⁰ Там же. С. 214.

²¹ Там же. С. 216.

²² Цит. по: Афанасьев А.Н. Указ. соч. Т. 3. С. 294.

²³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: АН СССР, 1950. С. 65.

²⁴ Псковские летописи. М.: АН СССР, 1955. Выпуск второй. С. 36.

долго, а в XII веке была открытой раной, как и другая страшная беда — княжеские усобицы. *Вещего* Бояна не сожгли, как *вещих жонков*, но его язычество, несмотря на все таланты, не могло быть принято христианами, которые *строго следовали* своему вероучению, потому-то Автор «Слова», бесспорно христианин по своим убеждениям, и говорит о непристойности петь, как Боян, и «Слово» начинается «не по замышленію Бояню», а «по былинамъ сего времени», то есть времени после 988 года, когда в купели Святого Крещения рождалась новая Русь, Святая Русь, и новый народ — православный. Потому-то и начинается песнь «отъ стараго Владимера», святого равноапостольного князя, Крестителя Руси: «Почнемъ же братіе повесть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря» (25-28).

* * *

Боян для Автора «Слова», вопреки мнению абсолютного большинства учёных, вовсе не «идеальный певец» и не «гениальный представитель», не «образец» и не «учитель». Боян — *язычник и антипод Автора*, и его язычество не раз подчеркнуто, в том числе и в описании его «обворожительного» пения:

Боянь бо вѣщій, аще кому хо-
10 тяше пѣснь творити, то расте-
кашется мыслию по древу...

Мысленное древо — так называемое мировое древо, или древо жизни, по славянской языческой мифологии, воплощение мироздания. Крона мирового древа достигает небес, а корни — *преисподней*. Ствол символизирует жизнь земную. Мир этот наполнен языческими богами, оборотнями или хтоническими животными и птицами, вроде *мыши*, *волка* или *орла*... И Боян, перевоплощаясь, предстает перед нами как гениальный поэт-язычник, который

10 расте-
кашется мыслию по древу, сѣрымъ
волкомъ по земли, шизымъ орломъ
подъ облакы.

Всеобъемлющий образ Боянова мироздания неотделим от его образных (мистических) превращений *в мышь* (символика подземного мира), *волка* (символика мира земного) и *орла* (символика мира небесного). При этом нельзя не заметить, что все три существа — *мышь*, *волк* и *орел*, — облик которых принимает Боян, существа в Священном Писании нечистые, то есть несущие печать греха и разложения.

Мышь — в древности считалась порождением дьявола. Народная традиция относит мышей к «гадам», называя их «поганью»²⁵.

Волк — противопоставлен человеку как нечистая сила. Христос с волками сравнивает лжеучителей: «Они приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные» (Мф. 7, 15-16). По народным представлениям, волками могут оборачиваться колдуны, как Боян в «Слове», как князь Всеслав, у которого «вѣща душа в'друзе тѣлѣ».

Орёл — наделён амбивалентными свойствами: с одной стороны, эта особо почитаемая священная птица издревле является символом силы и могущества царей, героев, целых царств и евангелиста Иоанна (что не отменяет оборотнической сущности Бояна, ибо дьяволу доступны любые обличья, даже священные: «сатана, — по замечанию апостола Павла, — принимает вид Ангела света, а потому не великое дело, если и служители его принимают вид служителей правды»; 2 Кор. 11, 14-15); с другой стороны, эта хищная птица, нечистая по Моисееву закону (Лев. 11, 13; Втор. 14, 12), осуществляющая связь между небом и потусторонним миром, служит в Священном Писании символом гордости, надменности, самонадеянности, скорого падения, исчезновения и ничтожества. Впечатляющий «библейский портрет» орла дан в 11 главе 3 книги Ездры: «И воззрел Всевышний на времена гордыни, и вот, они кончились, и исполни-

²⁵ По поводу слова «мыслию» существует несколько разных мнений. Так, Н.А. Полевой, Карелкин, И.А. Новиков, Н.М. Егоров, Н.В. Шарлемань, В.В. Мавродин исправляли «мыслию» на «мысию», видя здесь название какого-то зверька — скорее всего, мыши или белки. Другие считают, что ничего в данном фрагменте исправлять не надо, что никаких «мышей» в этом фрагменте нет. Кто прав, решить трудно. Предпочтительнее кажется первая точка зрения, отчасти потому, что ее, по свидетельству Карелкина, придерживался и Пушкин. Мнение же оппонентов привлекательно тем, что, анализируя «мышиный» фрагмент, они оставляют его без изменений, ведь всякое вмешательство в текст памятника очень опасно и может привести к существенным искажениям, как это произошло, к примеру, с «готскими девами» или с князем Всеславом, у которого была «вѣща душа в'друзѣ тѣлѣ», то есть «в другом теле», но некоторые переводчики, не видя или не понимая оборотнической сущности *вещего* князя, решили оставить ему одно тело и слово «в'друзѣ» заменили на слово «в друзѣ», то есть сделали его тело мощным, сильным и крепким. Кроме названных, существует третья, «примирительная» точка зрения. Как полагает В.В. Колесов и пишет об этом в статье «Растѣкашется мыслию по древу» («Вестник ЛГУ». 1971. № 1), в Первом издании могло быть слово «мысию», требующее чтения «мыслию», и дает подробное обоснование совмещения слов «мышь» и «мысль» в древнерусских памятниках.

лась мера злодейств ее. Поэтому исчезни ты, орел, со страшными крыльями твоими, с гнусными перьями твоими, со злыми головами твоими, с жестокими когтями твоими и со всем негодным телом твоим, чтобы отдохнула вся земля и освободилась от твоего насилия и надеялась на суд и милосердие Создателя» (3 Езд. 11, 44-46).

РЕЧЬ или РѢЧЬ?

Различие в мировоззрении и миропонимании Автора и Бояна дополняется несовместимостью их представлений о нравственных нормах, ведь Боян поет славу князьям, зная, что они творят беззаконие.

И здесь необходимо сказать о неточном, по сути ошибочном переводе слова «рѣчь» в предложении о «воспоминаниях» Бояна: «Помняшетъ бо рѣчь первыхъ времянь усобицѣ» (13-14). Ср.: в Первом издании: «Помняшетъ бо речъ пьрвыхъ времянь усобицѣ». Редакция текста и перевод Д.С. Лихачева: «Помняшетъ бо, рече, пьрвыхъ времянь усобицѣ» («Вспоминал он, как говорил, первых времен усобицы») ²⁶. Конечно, слово «речь» можно перевести глаголом «говорят» или «говорил», если оно написано через букву «Е» — «речь», как в Первом издании. Однако в Екатерининской копии оно написано через «ѣ». В Екатерининской копии это не глагол, а существительное, прямое дополнение при глаголе «помняшетъ». Где же ошибка?

Полагаю, ошибка была в Первом издании. Возможно, сами издатели ее и заметили. Во всяком случае, в печатном экземпляре 1800 года, который хранился в библиотеке Царскосельского лицея, кто-то исправил букву «Е» в слове «речь» на «ѣ» ²⁷. Это тем более важно отметить, что директором Лицея был Василий Федорович Малиновский, родной брат которого Алексей Федорович принимал непосредственное и самое активное участие в подготовке Первого издания «Слова»; видимо, именно он, Алексей Федорович, внес указанное исправление в книгу, которую и привез в Лицей, в подарок брату.

Между тем исправление одной буквы меняет смысл всей фразы. В «Словаре» Срезневского указано около полутора десятков значений этого существительного и отдельной словарной статьей дано

²⁶ Слово о полку Игореве / Вступ. ст., ред. текста, дословный и объяснительный перевод с древнерусского, примеч. Д.С. Лихачева. 4-е изд. М.: Детская литература (Школьная библиотека), 1970. С. 46-47.

²⁷ Слово о полку Игореве. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1985. С. 25.

существительное мужского рода РѢЧЬ, которое предположительно толкуется как «нечистый дух» и приводится пример: «помилуи мене, моучимоу <30> лѢТЬ от реча»²⁸. Статья в «Словаре» Срезневского может быть дополнена примером из «Слова», а перевод: «Вспоминал он, как говорил, первых времен усобицы» — исправлен на более точный: «Помнил он *беснование* первых времён усобицы».

При этом заметим: слово «помняшетъ», кроме значения «помнил», имеет оттенок значения «понимал». «Отъкуду испи *памяти* (то есть откуда испить *понимания, представления*) *будущеѣ* жизни сладкую чашу», — писал митрополит Иларион²⁹.

Помнил Боян лихие времена, понимал, что междоусобные войны есть зло, называемое летописцами беснованием: «Усобная же рать бывает от сважения (совращения. — В.К.) дьяволя»³⁰. Да и мы теперь, хотя и не вкладывая в это слово религиозный смысл, можем назвать *беснованием* братоубийственные войны, в которых отцы не щадили сыновей, а дети — отцов.

Боян все помнил и понимал... Однако пел «славу» князьям, совершающим беззаконие. Певец Боян, может быть, и замечательный, и талантливый, но лукавый. Он — двоедушный лицедей, а кроме того, судя по всему, *оборотень*, о чем свидетельствуют его «растекания»-превращения, и «рысканье» «въ тропу Трояню», о которой доподлинно, как и о самом Трояне, никто достоверно ничего не знает, но что-то зловещее во всех этих бояновых «рысканьях» ощущается явно, и, судя по всему, прав был А.Н. Майков, писавший: тропа Трояня — «земля незнаемая, обитаемая погаными детьми бесовыми, исполненная враждебных Руси темных сил»³¹.

«АБЫ ТЫ СІА ПОЛКЫ УЩЕКОТАЛЬ»

О том, что это так, напоминает и вызывающий неизменные восторги исследователей «соловьиный щекот» *вещего* Бояна.

²⁸ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3-х тт. СПб., 1893–1912. Репринтное издание. М., 1989. Т. III. Стлб. 226.

²⁹ Иларион, митрополит. Слово о Законе и Благодати / Пер. В.Я. Дерягина. Реконструкция древнерусского текста Л.П. Жуковской. М., 1994. С. 82.

³⁰ Повесть временных лет. С. 208.

³¹ Слово о полку Игореве / Пер. с пред. и прим. А.Н. Майкова // «Заря». 1870, январь. С. 130.

Соловьи — птички славные. Кто не восхищался их «божественным» пением. Однако в знаковой системе Средневековья соловей не только «божья», или «святая» птица, или символический образ искусного певца, но и, по определению академика Фёдора Ивановича Буслаева, «вещное существо»³², таящее опасность. Это согласуется с описанными в «Слове» превращениями Бояна и его «щекотанием», которое современными исследователями воспринимается как «песнь славы» русским дружинам, русским воинам: «абы ты сѧ полкы ущекоталь...». «Вот бы (уж) ты эти походы (по-соловьиному) воспел» (объяснительный перевод Д.С. Лихачева; курсив мой. — В.К.)³³.

Однако слово «щекотать», значит не только «воспевать кого-либо подобно соловью»³⁴, или издавать звуки, подобные соловьиному пению... Слово «щекотать» имеет и другое значение — *вызывать судороги* (ср.: «защекотать до смерти»). А ещё слово «щекотать» значит *наносить удары*³⁵. В польском языке оно значит *лаять, злословить*. В лужицких говорах — *бранить*. В русских диалектах слово *щекотать, щекатить* — значит *дерзко ругаться, браниться*, а слово *щекотый* значит *сварливый*. В народных преданиях соловьиный *щекот* ассоциировался не только с изумительным пением невидимой птицы, но и с посвистом Соловья-разбойника, и первыми весенними грозами, которые вызывали у древних русичей мистиче-

³² Буслаев Ф.И. Рец. на книгу О.Ф. Миллера «Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса. Илья Муромец и богатырство Киевское» СПб., 1870 // ЖМНП. 1871. С. 231.

³³ Слово о полку Игореве. М.: Детская литература, 1970. С. 160.

³⁴ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В.Л. Виноградова. М.: Л., 1965–1984. Вып. 6. С. 113.

³⁵ «Щекотать первоначально означало: издавать сильные, резкие звуки, подобные соловьиному свисту <...>: «о Бояне, соловью старого времени! — восклицает певец Слова о полку, — абы ты сѧ плъкы ущекотал». Соловьиный же щекот <...> служил метафорой громко раздающихся напевов грозовой бури. От понятия издавать резкие звуки слово «щекотать» перешло к обозначению того действия, которым они вызываются, и именно к обозначению щекотанья, которым возбуждается громкий, произвольный смех. Подобно тому, глагол лоскотать — щекотать кого-нибудь (лоскать, лосконуть — наносить удары) в польском языке (*loskotać*) сохраняет значение: хлопать, трещать, греметь. В стремительном полете завывающей бури грозовые, эльфоподобные духи (лешие, русалки) нападают на демонов мрачных туч, вертят и щекочут их и заставляют хохотать громовым хохотом — до тех пор, пока не погибнут они в страшных судорожных движениях» (Афанасьев А.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 174–175).

ский страх и ужас. «В народных преданиях, — пишет Афанасьев, — соловьиный щекот — символ весенних глаголов бога-громовника, вещающего в грохоте грома и свисте бури»³⁶, а В.И. Даль отметил, что соловья в народе называли не только «искусным певцом», но и «дудкой лешего»³⁷, сверхъестественного (мистического) существа славянских преданий и русских сказок. С этим согласуется точка зрения Буслаева: «Что с соловьем русский эпос соединял понятие о существе *вещем*, явствует, во-первых, из того, что в «Слове о полку Игореве» *вещий* Боян именуется «соловьем *старого* времени» (т.е. языческого времени. — В.К.), и, во-вторых, из того, что по Якимовской летописи, когда Добрыня крестил язычников в Новгороде, «высший же над жрецы Славянь Богомилъ, сладкорѣчїя ради наречень Соловей, вельми претя люду покоритесь»³⁸. О том, что соловьиные трели не всегда принимались за звуки «божественные», свидетельствует и былина об Илье Муромце и Соловье-разбойнике, который «свищет *по-соловьему*», но назвать этот *соловьиный* посвист «божественным» никому еще не приходило в голову. «Дудка лешего», «соловьиный свист» Соловья-разбойника, Соловей Богомил, призывающий новгородцев не креститься, что, с точки зрения христиан, похуже и пострашнее соловьиного посвиста Соловья-разбойника... Есть над чем задуматься...

Кроме того, нельзя не считаться с точкой зрения Пушкина, который увидел в слове *соловей* этого фрагмента *обращение*, а не *сравнение*; при этом ему показалось (во второй раз), что Автор «Слова» вовсе не восхищается пением Бояна, а скорее, иронизирует над ним: здесь, пишет Пушкин, «если не ошибаюсь, ирония пробивается сквозь пышную хвалу»³⁹. Абсолютный поэтический слух не подвел Пушкина ни на сей раз, ни чуть раньше, когда, комментируя фразу «Боянь бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснѣ творити» (9-10), он почувствовал, что Автор, кажется, отнюдь не в восторге от бояновых песнопений: «Не решу, упрекает ли здесь Бояна или хвалит»⁴⁰.

Восхищаясь потрясающей поэтической интуицией Пушкина, едва приступившего к изучению «Слова», но почувствовавшего то,

³⁶ Там же. Т. 1. С. 153.

³⁷ Даль В.И. Указ. соч. Т. IV. С. 266.

³⁸ Буслаев Ф.И. Указ. соч. С. 231-232.

³⁹ Пушкин А.С. Указ. соч. С. 151.

⁴⁰ Там же. С. 149.

что многие годы было скрыто от других, надо сказать, что характерная для поэтики «Слова» контаминация значений дает поразительный, но ожидаемый результат: соловьиный «щекот» *вещего* Бояна, его «замышления», «хвалы» или «славы», *подобны удару*, как подобны удару лесть и незаслуженная похвала, как смертельно опасны были, с христианской точки зрения, «соловьиные трели» высшего в Новгороде языческого жреца Богомила, который, препятствуя крещению новгородцев, величал себя, наверное, Велесовым внуком. В «Слове» Велесовым внуком назван Боян. Так его Автор «величает».

Велес — языческий бог благополучия, богатства и покровитель скота, а христиане называли его «лютым зверем», «нечистым или злым духом», «демоном» и «чёртом» (ср.: в чешск. *Veles* — «злой дух», «демон») ⁴¹. Так и Автор «Слова» его называет. Только не чертом, а «чертовым внуком»: «вѣщей Бояне Велесовъ внуче» (56-57). По сути, так же он должен был назвать и *вещего* (тоже *вещего*) князя Всеслава, который, по словам Автора «Слова», имел «вѣщу душу в'друзѣ тѣлѣ». Способность принимать чужой облик — вселять душу в другое тело — свойство нечистой силы (дьявола, бесов, всякого рода ведьм, оборотней, колдунов или и «вещих жонок»).

«Вѣща душа в'друзѣ тѣлѣ»

Один из героев «Слова», князь Полоцкий Всеслав Брючиславич, — фигура в русской истории загадочная. В летописи под 1044 годом сообщается, что родился он «от волхвованія», т.е. от колдовства, и «бысть ему язвено на главѣ его». И эту «язвину» «носилъ Всеславъ и до смертного дни на собѣ; <и> сего ради немилостивъ <был> на кровопролитъ» ⁴². Софийская Первая летопись сообщает о разграблении Всеславом Новгорода и осквернении новгородских святынь в 1067 году: «...зая Новгород до Неревьскаго конца и пожже, и поима все у Святей Софии — и паникадила, и колоколы, и отиде» ⁴³.

Историки по-разному оценивают жизнь и деяния князя Всеслава. Для одних он — «одна из самых светлых личностей своего време-

⁴¹ Мифологический словарь. Т. 1. С. 211.

⁴² Повесть временных лет. С. 196.

⁴³ Полное собрание русских летописей. Т. 5. Софийская Первая летопись. Выпуск 1. Л.: Гос. археографическая комиссия РАН, 1925. С. 134-135.

ни»⁴⁴. Другие, считая его оборотнем и чародеем, соотносят его деятельность с рецидивами язычества и даже видят в нем Антихриста⁴⁵.

Автор «Слова», избегая прямых оценок, создает потрясающей силы сложный художественный образ, в котором все же достаточно ясно различимы черты вешего князя-оборотня и колдуна, который в борьбе за Киевский престол, «клюками подпръся о кони» (385-386).

Среди множества вариантов перевода этой фразы преобладает «реалистический», рисуемый, как князь Всеслав, «согнувшись клюкой, оперся о коня» и поскакал... При этом упускается из вида, что слово «клюка» многозначно, и обозначает не только кочергу или кривую палку с отогнутым верхним концом, но и *хитрость, обман, лукавство, коварство*⁴⁶, а также *волишебство и колдовство*⁴⁷. На колдовские способности князя прямо указывает дальнейший рассказ о нём.

После неудачной попытки овладеть Киевом Всеслав помчался грабить Новгород: «скочи <...> лютымъ звере^m <...> изъ бѣла-града, обѣси ся сине мьглѣ...» (386-390). А дальше следует одно из самых знаменитых «темных мест» «Слова» — «утръже вазнистри кусы» (390), — в котором с легкой руки Романа Якобсона появилось числительное «три»: «утръже вазни съ три кусы»⁴⁸. По сведениям Н.А. Мещерского и А.А. Бурькина, это исправление «было принято всеми последующими комментаторами»⁴⁹. Это, конечно, далеко не так, но переводы, рассказывающие о том, как Всеслав «урвал счастья с три клока», или «урвал удачи с три куска», или «знать, трижды ему удалось урвать по куску удачи», появились во множестве, хотя в действительности никаких «клоков» или «кусков счастья» в этом фрагменте нет, да и не такое уж оно и «тёмное», это «тёмное место».

---

⁴⁴ Данилевич В.Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев, 1898. С. 64.

⁴⁵ См.: Клейн Й. «Слово о полку Игореве» и апокалиптическая литература: (К постановке вопроса о топике древнерусской литературы) // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Наука, 1976. Т. XXXI. С. 107-110.

⁴⁶ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Вып. 2. С. 189.

⁴⁷ Барсов Е.В. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1887-1889. Т. I-III. С. 366.

⁴⁸ Якобсон Р.О. Изучение «Слова о полку Игореве» в США // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Наука, 1958. Т. XIV. С. 104.

⁴⁹ См.: Слово о полку Игореве. Л.: Советский писатель, 1985. С. 475.

В этом фрагменте Автор рассказывает, как рано утром (*утрь же*) Всеслав достиг Новгорода (а скакал он до него всю ночь: «скочи <...> лютымъ звере^м въ полночи»), потом с помощью «вазни» (*вазь* — не просто счастье или удача, а *удача, успех*, «добытый с помощью колдовства, нечистой силы»⁵⁰ — (курсив мой — В. К.), сокрушил, разбил эти самые «кусы», которые, согласно словарю «Древнерусского языка» под редакцией Р. И. Аванесова, есть не что иное как «рать», «войско» или «стража»⁵¹.

Иначе говоря, речь идет о том, что, не добившись удачи в Киеве, Всеслав ночью помчался к Новгороду, *утром с помощью колдовства, сокрушил стражу* (вероятно, как *Стрибог*, языческий бог ураганного ветра, все сокрушающий и сметающий на своем пути) и вошел в город («отвори врата Нову граду»; 390-391), где, по сообщению Софийской Первой летописи, осквернил святыни, разграбил «все у Святей Софии — и паникадила, и колоколы, и отиде».

Борьба *вещего* Всеслава против Новгорода (как о ней рассказывается в «Слове о полку Игореве» и Софийской Первой летописи, носила антицерковный, богоборческий характер.

Осквернив новгородские святыни, Всеслав «отиде» к «дудуткам».

ДУДУТКИ

Что такое «дудутки», не знает никто, однако практически во всех комментариях «дудутками» называют то какой-то никому неизвестный монастырь, то до сих пор не найденный и никому неизвестный город под Новгородом или под Киевом, или ещё где-нибудь.

Если же принять во внимание, что князь Всеслав, громивший православные святыни, не забыл о своих языческих корнях, можно предположить, что под «дудутками» нужно понимать не город, монастырь или какую-то местность, а *языческий праздник*, на котором играли *на дудках* (волынках, сопелках), песни пели «непотребные», пляски плясали «срамные» и богам поклонялись языческим. Название *дудутки*, возможно, связано с архаичным эпитетом Перуна, как связаны с ним практически совпадающие по звучанию названия распространенных в Европе языческих ритуалов, — *додола, дудола, ду-*

⁵⁰ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Вып. 1. С. 91.

⁵¹ См.: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Гл. ред. Р.И. Аванесов (Т. IV. С. 340): «**КОУС|А**».

дулица, дудулейка, — по грамматической форме напоминающее названия известных народных праздников.

Сравним: праздник окончания жатвы — *пожинки*; ритуально-магические действия в начале сева или накануне его — *засевки*; святочные народные песни — *колядки*; старинная народная игра, связанная с языческими праздниками и обрядами (встречей весны, с праздником Ярилы или Ивана Купалы), — *горелки*.

Предположение о том, что «дудутки» — название какого-то языческого праздника, подтверждает и логика грамматической конструкции фразы «скочи волкомъ до Немиги съ дудутокъ» (392-393), ведь мы не говорим: «ушел с города», «с монастыря», «с села» или «с деревни», зато говорим: «ушел с праздника», «вернулся с пожинок», «иду с обедни», «с вечери», «с заутрени».

И ещё одна деталь. Поражает особо отмеченная Автором «Слова» быстрота передвижения Всеслава, которую обычно относят к чертам реальной биографии князя, ссылаясь на «Поучение» Владимира Мономаха, который рассказывает, как гнался за Всеславом «о двою коню» (т.е. меняя коней), но безуспешно⁵². Однако в «Слове о полку Игореве» речь идет не просто о князе-скороходе, а о князе-оборотне, принимавшем волчье обличие, о его «вазни», о его колдовстве, и, в таком случае, сверхбыстрота его передвижения, описанная в «Слове», может быть отнесена Автором к свойствам демоническим.

Обычному человеку невозможно за одну ночь доскакать из Киева до Новгорода. А тем более невозможно обычному человеку доскакать за одну ночь из Киева до Тьмутаракани.

Всеслав, однако, доскакал. Всеслав «самъ в ночь волкомъ рыскаше; ис Кыева дорискаше до Куръ, Тмутороканя; Великому Хръсови волкомъ путь прерыскаше» (398-401). Волчье «рысканье» Всеслава заставляет вспомнить о таком же волчьем «рысканье» Бояна, которого Автор «Слова» называет «вещим». Но ведь точно так же, *вещим*, он величает и князя Всеслава, у которого, скажем еще раз, была «вѣща душа в' друзѣ тѣлѣ» — *колдовская душа в другом теле*.

И еще раз скажем: вопреки традиционным представлениям, ни вещей Боян, ни князь-оборотень Всеслав не могли «служить образцом» для Автора «Слова о полку Игореве»... Всё как раз наоборот!..

---

⁵² Поучение Владимира Мономаха // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. XI–XII века. С. 456.

Потому и ведет Автор «Слова» свое повествование «не по замышленію Бояню» (кстати говоря, одно из значений слова «замышление» — козни, то есть заговор, происки, злой умысел, ухищрения, каверзы и т.д.), а «по былинамъ сего времени» (7-8), в соответствии со своим христианским взглядом на мир в целом и на безрассудный поход Игоря в частности, ведь нельзя не признать, что Игорь (если отвлечься от ложно-патриотической риторики и реально посмотреть на вещи) *не подвиг совершил, а забыв о Боге, в гордыне и ослеплении духовном погубил дружину свою и много зла принес земле Русской.*

ПОХОД

Поход Игоря на половцев объясняют обычно политическими причинами: ведь Игорь идет в поход «за землю Руськую» (32). Но не стоит торопиться с выводами о патриотизме Игоря, ведь одна из важнейших причин его похода — желание славы. А желание славы, писал апостол Пётр, есть искушение, особенно для забывших, что «всякая плоть — как трава, и всякая слава человеческая — как цвет на траве: засохла трава, и цвет ее опал» (1 Петр. 1, 24).

У Игоря искушение превратилось в непреодолимую страсть и было столь велико, что не стал он считаться даже с предостережением Божиим, явленным в виде затмения солнца: «Спала Князю умъ похоти, и жалость ему знаменіе заступи искусити Дону великаго» (39-41).

Это предложение, очень трудное для дословного перевода, предельно понятно по сути своей: искушение, страсть и стремление Игоря к славе были столь велики, что они сожгли, спалили ум князю...

Стремление к славе — сестра зависти и гордыни, которая «погибели предшествует», — говорит псалмопевец Давид (Притч. 16, 18).

Одержав легкую победу в первом сражении, Игорь во втором потерял все: брата, сына, погубил дружину, и сам попал в плен к поганым...И здесь нельзя не вспомнить о готских девах, которые «звенят русским золотом» и, по мнению комментаторов, *радуются* поражению Игоря, лелея при этом месть за хана Шарукана.

ГОТСКИЕ ДЕВЫ

Готы у комментаторов — союзники половцев. В действительности же все было как раз наоборот, ведь готы, жившие в районе

русского княжества Тмуторокани, были, как и русичи, христианами. Причем христианство они приняли еще в IV веке⁵³.

Готские девы звенят русским золотом и воспевают время Бусово, потому что Бус (Бос, Бож, Боус, Бооз) — антский князь, *распя-тый* в числе семидесяти других антских князей готским королем Винитаром⁵⁴, — почитался ими как воплощение Христа и, вероятно, библейского пророчества Ездры: «И всякий, кто избавится от прежде исчисленных зол, сам увидит чудеса Мои. Ибо откроется *Сын Мой Иисус* с теми, которые с Ним, и оставшиеся будут наслаждаться *четыреста лет*. *А после этих лет умрет Сын Мой Христос* и все люди, имеющие дыхание. И обратится век в древнее молчание на семь дней, подобно тому, как было прежде, так что не останется никого. После же семи дней восстанет век усыпленный, и умрет поврежденный. И отдаст земля тех, которые в ней спят, и прах тех, которые молчаливо в нем обитают, а хранилища отдадут вверенные им души. Тогда явится Всевышний на престоле суда, и пройдут беды, и окончится долготерпение. Суд будет один, истина утвердится, *вера укрепитя*» (3 Езд. 7, 27–34; курсив мой. — В.К.).

Но почему же в таком случае эти готские девы-христианки вдруг лелеют месть за язычника Шарукана? Вопрос риторический, потому что ни о какой мести «за Шарукана» ни в Первом издании «Слова», ни в Екатерининской копии речи нет. Наоборот, там говорится о «мести Шароканю» (281). Можно полагать, что готы-христиане, как и русские, немало от него натерпелись... А предлог «за» — это просто «догадка» переводчиков, или, лучше сказать, домысел, искажающий текст, меняющий смысл на противоположный.

Острота противостояния вер — языческой и христианской — во всей полноте проявляется и в «мутном» сне великого князя Киевского Святослава, который, любя Игоря и Всеволода, суровую оценку дал безрассудству героев в «злате слове»: «Нъ нечестно одолѣсте: нечестно бо кровь поганую прольясте» (287-289).

---

⁵³ См.: Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. Кн. первая. С. 115-121.

⁵⁴ См.: Иордан. О происхождении и деянии гетов. *Getica* / Пер. Е.Ч. Скржинской. М.: Восточная литература, 1960. С. 115.

После поражения Игоря великому князю киевскому Святославу Всеволодовичу показалось, подумалось (и для этого у него были основания), что Игорь и Всеволод и его, князя, и всю Русь предали...

«А СВЯТЬСЛАВЪ МУТЕНЬ СО^Н ВИДЕ»

А Святъславъ мутень со^н
 виде: въ Кіевѣ на горахъ си ночь
 съ вечера одѣвахъте мя, рече, черною
 250 паполомоу, на кровати тисовѣ.
 Чръпахуть ми синее вино съ трудо^м
 смѣшено; сыпахутьми тѣщими
 тулы поганыхъ тлъковинъ великій
 женчюгъ на лоно, и нѣгують мя;
 255 Ужедьскы безъ кнѣса въ моемъ те-
 ремѣ златовръсемъ. Всю ночь съ-
 вечера бо-суви, врани възгряху. У
 Плѣньска на болони, бѣша дебрь
 кисаню, и не сошло къ синему морю.

Очень трудный фрагмент. Д.С. Лихачев перевёл его и объяснил так: «А Святослав мутный [непонятный, неясный для него] сон видел в Киеве на горах [где он жил]. «В эту ночь, с вечера, одевали меня, — говорит [он], — черным погребальным покрывалом на кровати тисовой; черпали мне синее вино, с горем смешанное; сыпали мне пустыми [опорожненными от стрел] колчанами поганых иноземцев крупный жемчуг на грудь и нежили меня. Уже доски без князька в моем тереме златоверхом [как при покойнике, когда умершего выносят из дому через разобранную крышу]. Всю ночь с вечера серые вороны гаяли [предвещали несчастье] у Плесеньска [под Киевом], в предградье стоял лес Кияни [Киянь — речка под Киевом], и понеслись [они] к синему морю [на юг, к местам печальных событий]»⁵⁵.

Естественно, возникают вопросы.

Почему так долго — всю ночь с вечера — «одевали» князя? Кто «одевал»? Кто намешал горя в синее вино? Что это за синее вино? Кто и зачем сыпал князю жемчуг на грудь при этом *нежил* его? А тут ещё княжеский терем с разобранной крышей и не менее странные серые вороны, непонятно зачем *несущиеся* к синему морю...

Но «мутный» сон потому и «мутный», что «тревожный», «непонятный». И Святослав обращается за его разъяснением к боярам.

⁵⁵ Слово о полку Игореве. С. 168.

Попробуем и мы истолковать его, опираясь на пояснения Олжаса Сулейменова, которого в свое время за его книгу «Аз и Я» подвергли разгрому, поношению, беспринципной травле.

По весьма правдоподобной догадке Сулейменова, «одевали» Святослава «чёрной паполемой», т.е. накрывали погребальным покрывалом, его же, Святослава, «сыновцы», князя Игорь и Всеволод, ибо словосочетание «си ночь», вероятнее всего, есть сокращенная запись слова «сыновчъ»⁵⁶. Святославу снится, что Игорь и Всеволод попросту предали его и теперь ждут его смерти, готовя к погребению по языческому обряду. Правильность этой догадки «подтверждают» бояре, толкующие княжеский сон. Они скажут Святославу, что Игорь и Всеволод не предатели, они сами в плену: «Уже соколама крилица припѣшали поганыхъ саблями, а самого опуташа въ путины железны <...> два Солнца померкоста, оба багряная стлѣпа погасоста <...> и великое буйство подасть Хинови» (265-276).

Между тем Святославу снится, как «тулы поганыхъ тльковинъ» (то есть *вдовы язычников*, ибо «тулы», как отметил Сулейменов, по-тюркски значит «вдовы»⁵⁷) черпают ему «синее вино» (то есть зелье ядовитое), сыплют ему раскаленные угли на живот⁵⁸ и, заметим, во все не нежат князя, как принято думать, а *издеваются* над ним.

Слово «негують», «неговать» очень похоже на слово «нежат». Это и ввело многих переводчиков в заблуждение. Между тем еще в XIX веке переводчик «Слова» Д.Н. Дубенский писал: «В Малороссийском языке кое-где и теперь употребляется слово *неговать*, вместо *кепковать*, *изнуцаться* в смысле *издеваться*, *ругаться*»⁵⁹.

Но страшнее физических издевательств и мучений то, что его (снится князю-христианину) готовят к погребению по *языческому* обряду, для чего разобрали крышу в тереме, чтобы, как и принято было у язычников, вынести труп через эту крышу для захоронения

---

⁵⁶ Сулейменов, Олжас. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. Алмата: Жазушы, 1975. С. 63.

⁵⁷ Там же. С. 65.

⁵⁸ См.: Тимофеев В.П. Другое «Слово о полку Игореве». М.: Вече, 2007. С. 190-192 и 212-213.

⁵⁹ Дубенский Д.Н. Слово о плъку Игоревѣ Святъславля пѣстворца старага времени. Объясненное по древним письменным памятникам магистром Дмитрием Дубенским. М., 1844. С. 121.

или сожжения, лишив тем самым человека (по представлению христиан) блаженства жизни вечной. Есть от чего прийти в отчаяние.

Впрочем, возможен и другой перевод слов «Уже дьскы безъ кнѣса въ моем теремѣ златовръсемь», ведь выражение «дьскы безъ кнѣса» похоже на идиоматическое выражение «престол без князя»⁶⁰.

И это не менее страшно, ведь «престол без князя» — это обезглавленная Русь, легкая добыча для «поганых» (от лат. «paganus» — язычник), которые, снится князю, уже рядом, на болони, перед городскими стенами.

Болоние — это свободное пространство перед городскими стенами, которое обычно оставляли без застройки, чтобы его можно было простреливать с городских стен. Именно сюда, снится князю, на болоние, добрались половцы — не *серые вороны*, а «босуви врани» (257) — половецкая орда, носящая тотем воронов.

О половецких тотемах писал Г.В. Сумаруков, преподаватель биологического факультета МГУ⁶¹. Обратив внимание на *неестественное* поведение некоторых зверей и птиц «Слова» (волков, лисиц, орлов, галок), он пришел к выводу о том, что Автор «Слова», прекрасно знавший животный мир, имел в виду подчас не животных и птиц, а половецкие орды, названные по их родовым тотемам. Увы, на его книгу «Кто есть кто в “Слове о полку Игореве”» (М.: Изд-во МГУ, 1983) мало обращают внимания, и, на мой взгляд, очень даже зря, ведь, судя по всему, великого князя Киевского не птичье карканье тревожит, а нависшая над Киевом смертельная опасность. Под стенами города слышит князь гортанные крики «детей бесовых», которых *не прогнали* от стен киевских, «*не сошлю* къ синему морю» (259; курсив мой. — В.К.), — сказано в «Слове».

Видя в «босувих вранах» обыкновенных ворон (или воронов) и не понимая, зачем этих «птичек» прогонять от городских стен, комментаторы и переводчики упорно заменяют слово «не сошлю» на более им понятное «несошася». Так вот и понеслись (и теперь несутся) по книжным страницам серые вороны (или вороны) к «синему морю», к местам «печальных событий».

⁶⁰ Сулейменов Олжас. Указ. соч. С. 65.

⁶¹ См.: Сумаруков Г.В. Кто есть кто в «Слове о полку Игореве». М.: Изд-во МГУ, 1983.

ЗОЛОТОЕ СЛОВО СВЯТОСЛАВА

События действительно были печальные. Немало бед принес Русской земле безрассудный поход Игоря, и перед лицом грозной половецкой опасности великий князь Киевский обратился к другим князьям с призывом к единению, чтобы постоять за землю Русскую, отомстить «за обиду сего времени <...> за раны Игоревы» (324-325).

«Золотое слово» Святослава — тема особая, но нельзя не обратить внимание на то, как обращается князь к Ингварю и Всеволоду и трем Мстиславичам: вы «нехуда гнѣзда шестокрильци» (354).

«Не плохой вы выводок соколов», — переводит Д.С. Лихачев и поясняет: «У сокола оперение крыла делится на три части (большие маховые, малые маховые перья и крылышко). Всего у сокола как бы шесть крыльев. Отсюда название сокола “шестокрылец”»⁶².

Вообще-то честь превращения «шестокрыльца» в птицу принадлежит Н.В. Шарлеманю⁶³, у которого тоже был предшественник — великий наш историк Н.М. Карамзин⁶⁴. Но «шестокрыльцы», конечно же, не птицы... Шестокрыльцы, или серафимы, — название высшего и самого близкого к Богу ангельского чина; *это непосредственные исполнители Его воли.*

По описанию пророка Исаяи, серафимы имели шесть крыльев — символ высших духовных способностей: «...Видел я Господа, сидящего на престоле <...> Вокруг него стояли Серафимы; у каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лице свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал» (Ис. 6, 1-2).

В «Словаре» И.И. Срезневского приведен (начиная с XI в.) целый ряд примеров на слова «шестокрилатый», «шестокриль», «шестокрилатый», «шестокрильство», «шестокрильць», и все они отно-

⁶² Слово о полку Игореве. С. 211.

⁶³ Шарлемань Н.В. Из реального комментария к «Слову о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Наука, 1948. Т. VI. С. 113: «Шестокрильци, по-видимому, тоже соколы, у которых обычное для большинства птиц (кроме страусов, киви и пингвинов) деление оперения крыла на три части <...>особенно ясно видно во время парения. Таким образом, весь летательный аппарат сокола состоит как бы из шести частей, отсюда — „шестокрильци“».

⁶⁴ Карамзин Н.М. История Государства Российского. СПб., 1816. Т. III. Примеч. 266: «Сравнивая сих трех братьев с пернатыми, он называет их шестокрыльми для того, что у трех птиц шесть крыльев».

сятся исключительно к серафимам⁶⁵. К высшему ангельскому чину относил «шестокрыльцев» и Пушкин:

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился⁶⁶.

В сущности, называя князей «шестокрыльцами», Святослав Киевский — вслед за апостолом Павлом — напоминает Ингварю, Всеволоду, трем Мстиславичам и другим князьям, что власть им дана Богом и что они, подобно серафимам, должны быть исполнителями Его воли, соблюдая и Его заповеди, и установленную Им иерархию⁶⁷.

А что же было в действительности? — Разобщенность, братоубийственные войны, усобицы, грабежи, насилие, гордыня, тщеславие, эгоизм, заботы лишь о собственных выгодах и нерадение об интересах разрываемого на части государства...

Конечно, в разобщенности русских князей и раздробленности русской земли можно видеть политические причины, называя их реалиями «феодальной эпохи», однако с христианской точки зрения, всякое нестроение, вражда и беззаконие в любую эпоху — следствие забвения Бога и Его заповедей, забвения своего высокого Божественного предназначения. Об этом, призывая к единению, и напоминает князьям Святослав. Об этом же печалится и Автор «Слова», напоминая о благодати первых лет Крещения Руси при Владимире Святом:

О! стонати Руской земли, помянув-
ше первую годину, и первыхъ Князей. Того
410 стараго Владиміра нелзѣ бѣ пригвоздити
къ горамъ Киевскимъ.

Так было, но пришло другое время — смутное время гордыни, братских усобиц, забвения Бога и отступления от веры; пришло время Игоря, с языческой молитвой-причетью о котором обращается жена его Ярославна к Днепру, к ветру и к солнцу. Но не Днепр, не ветер и не солнце спасают князя:

---

⁶⁵ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. В 3-х т. СПб., 1893–1912. Репринтное издание. М., 1989. Т. III. Стлб. 1589.

⁶⁶ Пушкин А.С. Указ. соч. Т. 3. С. 30.

⁶⁷ Ср.: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13, 1).

Игореви Князю
 Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на
 440 землю Рускую, къ отню злату столу.

«ИГОРЕВИ КНЯЗЮ БОГЪ ПУТЬ КАЖЕТЪ»

Как правило, эту строчку не комментируют или отмечают, что это «приписка» или «вставка» какого-нибудь зловредного монаха, потому что, как считают, к примеру, Олжас Сулейменов или Сергей Лесной, всё «христианство» «Слова» — «это добавки переписчиков, которых не могло не шокировать полное умолчание христианства»⁶⁸.

Подобная точка зрения родилась не на пустом месте: в летописях иногда встречаются и «нужные» вставки, и правки или подчистки (удаление) «ненужных» записей, но в данном случае «происки» хитроумного монаха абсолютно ни при чем, потому что предложение «Игореви Князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую» непосредственно связано и поддерживается предыдущей строкой «Прысну море полуноши» (437-438), которую редакторы чуть-чуть подправляют на «Прыснуло море в полночь», а переводчики создают из нее замечательные картины разбушевавшегося моря в духе художников-маринистов: полночное море «взволновалось», «вспенилось», «разбушевало», «взыграло», «всплеснулось», «вздыбилось» и даже «вздуваться стало»⁶⁹.

Между тем слово «море», кроме привычного значения «водное пространство с горько-соленой водой», или «большое озеро», или «житейское море», может обозначать ещё и стороны света — *западное* или *южное* направление. Сравним: «...И поставил тамо кущу

⁶⁸ См.: Сулейменов О. Указ. соч. С. 4; Лесной С. Слово о полку Игореви. Вып. 2. Париж, 1951. С. 179.

⁶⁹ «Прыснуло» (В.А. Жуковский, М.Д. Деларю, А.Н. Майков, Д.С. Лихачёв; С. Ботвинник, И. Шкляревский); «брызнуло» (Д. Минаев); «взволновалось» (Первое издание, В.В. Капнист, К.Д. Бальмонт, Н.А. Мещерский); «взволновалось» (Н. Гербель); «взбушевало» (Н.И. Алябьев); «вспенилось» (О.В. Творогов); «взбушевало» (Р.О. Якобсон, А. Югов); «взыграло» (Г.П. Шторм, Н.А. Заболоцкий, М. Тарловский); «разыгралось» (Е.Н. Бирукова); «плеснуло» (А.Ю. Чернов); «всплеснуло» (Э.Я. Гребнева, Ю.В. Подлипчук); «всплеснулось» (В. И. Стеллецкий); «всплеснулось» (С. В. Шервинский); «заплескало» (В. Ржига и С. Шамбинаго) «вспрянуло» (Н.М. Павлов); «вздыбилось» (И.А. Новиков); «расходилось» (С. Басов-Верхоянцев); «прыщит» (Л.А. Мей); «вздуваться стало» (А. Степанов) и т.д.

свою въ Вефили *при мори*» (Быт. 12, 8). Синодальный перевод: «...и поставил шатер свой так, что от него Вефиль был *на запад*...».

Еще один пример из книги Бытия. Во сне Иаков увидел Господа и услышал Его слова: «Землю, на которой ты лежишь, Я дам тебе и потомству твоему; и будет потомство твое, как песок земной; и распространишься к *морию* и к востоку, и к северу и к *полудню*; и благословятся в тебе и в семени твоём все племена земные» (Быт. 13-14).

Пример из Псалтири: «Славьте Господа, ибо Он благ <...> Так да скажут избавленные Господом, которых избавил Он от руки врага, и собрал от стран, от востока и запада, от севера и *моря*» (Пс. 106, 1-3). И еще: «Север и *море* ты создал еси» (Пс. 88, 15). А это пример из «Канона во Святую и Великую Неделю Пасхи и во всю Светлую седмицу» (песнь 8): «Возведи окрест очи твои, Сионе, и виждь: се бо приидоша к тебе, яко Богосветлая светила, от запада, и севера, и *моря*, и востока чада Твоя, в тебе благословящая Христа во веки».

Добавим к этому, что, по В.И. Далю, «прыскать» имеет значение, близкое к словам «вспыхнуть», «разгореться», «запылать»: «*Прыск*, жар угольный, порск, особ. в кузнечном горну. || *Вят.* самый жар <>. *Прыскуый жар*»⁷⁰.

У слова «прыснуть» есть близкий, хотя и не очень благообразный родственник — «прыщ» (образовано с помощью суффикса -j- от прыскъ) — результат воспаления. Воспаление — это жар, «воспламенение» тела. Но не только тела. По В.И. Далю, возможно и «*воспаление* от *огня*». Это «состояние предмета, который загорается, воспламеняется. **Воспалитель** м. — *ница* ж. кто поджигает, разжигает, воспаляет. **Воспалительный**, горький, горючий, легко воспламеняющийся <...>. **Воспалимость**, воспламеняемость, возгораемость, горючесть»⁷¹. О том, что «прыщи» (а значит и слова «прыснуть», «прыснуло») были прямо связаны с процессом *горения* устанавливают и примеры, приведенные в «Словаре» И.И. Срезневского⁷².

Становится очевидным, что в данном фрагменте — одном из ключевых для понимания главной идеи «Слова» — «Прысну море полунощи» («Вспыхнуло Небо в полночь») — речь идет о ещё од-

⁷⁰ *Даль В.И.* Указ. соч. Т. III. С. 530.

⁷¹ Там же. С. 530.

⁷² *Срезневский И.И.* Указ. соч. Т. 2. Стлб. 1615.

ном знамении: «Игореви Князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую».

В первом случае знамение (затмение солнца) преграждало путь Игорю, а теперь знамение (заревое на небе) указывает ему путь на родину: «Богъ путь кажетъ».

Эта строка соотносится с летописными свидетельствами. В Лаврентьевской летописи читаем: «И по малых днѣхъ ускочи Игорь князь у половецъ — не оставитъ бо Господь праведнаго в руку грешничию: очи бо Господни на боящаяся Его, а уши Его в молитву ихъ!»⁷³.

Об этом же сказано и в Ипатьевской летописи: «Игорь же Святославичъ тотъ годъ бяшетъ в Половцехъ <...> Но избави их Господь за молитву хрестьяньску, имже мнозѣ печаловахуться и проливахуть же слезы своя за него»⁷⁴.

Так по знаку Божьему и бежит Игорь из плена...

А вскоре, на берегу Донца, происходит ещё важное событие, смысл которого никто не объяснил...

«УНОШУ КНЯЗЮ РОСТИСЛАВУ ЗАТВОРИ...»

Почему, обращаясь к Донцу, Игорь вдруг вспоминает о юном князе Ростиславе, утонувшем в реке Стугне почти сто лет тому назад, в 1093 году, и говорит:

Нетак ли, рече, рѣка Стугна
худу струю имѣя, пожрѣши чужи ручьи, и
465 стругы ростре на кусту? Уношу Князю Ро-
стиславу затвори Днѣпръ темнѣ березѣ.

Молчат комментаторы... Между тем появление князя Ростислава в «Слове о полку Игореве» чрезвычайно важно для понимания смысла всей поэмы, ибо его гибель — *прямое следствие нераскаянного греха*. Об этом с предельной ясностью свидетельствует «Киево-Печерский патерик», житие святого Григория.

«Случилось однажды в монастыре, что осквернился сосуд от падения в него какого-то животного, и потому Григорий спустился к Днепру за водой. В то же время случилось там быть князю Ростиславу Всеволодовичу, который хотел идти в Печерский монастырь за молитвой и благословением, так как с братом своим Владимиром (Мономахом) отправлялся в поход против половцев. И, увидев старца, слуги

⁷³ Из Лаврентьевской летописи // Памятники литературы Древней Руси. XII век. М.: Наука, 1980. Т. 4. С. 368.

⁷⁴ Из Ипатьевской летописи // Там же. С. 360.

князя начали оскорблять его, ругаясь непотребными словами. Монах же, провидя их скорую смерть, стал говорить: «О, чада, в то время как вам следовало быть благочестивыми и призывать всех молиться за вас, вы зло творите, что Богу неугодно. Плачьте о своей погибели и кайтесь в своих согрешениях, чтобы получить хотя бы снисхождение в день Страшного суда, ибо вас уже постиг суд: вы все умрете в воде с князем вашим. Князь же, страха Божьего не имея <...>, сказал: «Мне ли, умеющему плавать, предсказываешь смерть от воды? И, разгневавшись, князь повелел связать монаху руки и ноги, повесить на шею камень и бросить в воду, — и так Григорий был утоплен <...>».

Ростислав же, не чувствуя вины за грех, от ярости не пошел в монастырь. Не захотел он благословения, и удалилось оно от него; возлюбил проклятие, и пало оно на него. Владимир же (Мономах) пришел в монастырь для молитвы. Когда же они были у Треполя и началось сражение, то побежали князя наши от врагов. И благодаря молитве Владимира переправился через реку, а Ростислав утонул со всеми своими воинами, как предрекал блаженный Григорий. «Каким, сказано, — судом судите, таким будете судимы...»⁷⁵.

Смысл этого рассказа очевиден и, скажем еще раз, заключается в напоминании о наказании за нераскаянный грех.

А у Игоря грехов было как звезд на небе, ему было за что опасаться... «Помянухъ азъ грѣхы своя предъ Господомъ Богомъ моимъ, — записывает летописец покаянные слова Игоря, — яко много убийство, кровопролитье створихъ в землѣ крестьянствѣй...»⁷⁶.

«Вспомнил я, — говорит Игорь, — о грехах своих перед Господом Богом моим, что немало убийств и кровопролития совершил на земле христианской: как не пощадил я христиан, а предал разграблению город Глебов у Переяславля. Тогда немало бед испытали безвинные христиане: разлучаемы были отцы с детьми своими, брат с братом, друг с другом своим, жены с мужьями своими, дочери с матерями своими, подруга с подругой своей. И все были в смятении: тогда были полон и скорбь, живые мертвым завидовали, а мертвые радовались, что они, как святые мученики, в огне очистились от скверны этой жизни. Старцев пинали, юные страдали от жестоких и немилостивых побоев, мужей убивали и рассекали, женщин оскверняли. И все это сделал я, — воскликнул Игорь, — и не достоин я остаться жить! И вот теперь вижу отмщение от Господа Бога моего»⁷⁷.

Князю Игорю было чего бояться, но время Суда Божьего для него еще не пришло. Пришло время покаяния. Преодолев все преграды,

⁷⁵ Киево-Печерский патерик // Древнерусские патерики. М.: Наука, 1999. С. 45, 148-149.

⁷⁶ Из Ипатьевской летописи. С. 356.

⁷⁷ Там же. С. 357.

Игорь добирается до Киева и идёт в храм «къ святѣй Богородици, пирогощей» (491-492) — в храм Успения Божией Матери на Подоле.

Богородица почиталась как защитница от врагов и освободительница пленных. Игорь идет в храм для покаяния и молитвы. А можно сказать: он *возвращается* к Богу из бесславного похода и идет в храм для покаяния и молитвы, *как блудный сын* возвращается в Отчий дом, и Русская земля встречает возвращение Игоря ликованием:

Солнце свѣтити на
небесе, Игорь Князь въ Руской земли. Дѣвици поють
490 на Дунаи. Вьются голоси чресь море до Києва, Игорь
ѣдетъ по Боричеву къ святѣй Богородици, пи-
рогощей страныради. Гради весели.

Автор сочувствует Игорю на протяжении всей поэмы, но лишь после его раскаяния провозглашает здравицу: «здрави Князи и дружина, побарая за христьяны, на поганья полки» (496-498). Так ясно и определенно выражает Автор свое отношение к противостоянию христиан и язычников.

А заканчивается «Слово о полку Игореве» «славой» — *горькой* «славой»: «Княземъ слава, а дружинѣ аминь» (498).

АМИНЬ

И в Первом издании, и в Екатерининской копии это предложение написано одинаково, через противительный союз «а», который многие переводчики и комментаторы (со времен Первых издателей) упорно исправляют на соединительный «и»: «Слава князьям и дружине. Аминь». Замену объясняют тем, что союз «а» в древнерусском языке мог употребляться в значении союза «и».

Действительно, союз «а» употреблялся иногда в значении союза «и», но не в «Слове о полку Игореве». В «Слове» союз «а» употреблен 52 раза, и во всех случаях — в противительном значении. И в последнем предложении тоже. И ставить в нем точку перед словом «аминь», как это делается в современных изданиях, не нужно. Во-первых, потому что ее нет ни в Первом издании, ни в Екатерининской копии, а во-вторых, потому что слово «аминь» употреблялось не только как заключительное восклицание в молитвах, проповедях и литературных христианских произведениях в значении *верно, истинно, правильно, да будет так*, но и в значении *конец, кончено*.

Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в «Словарь древнерусского языка» под редакцией Р.И. Аванесова или в другие

источники. Раньше говорили: «Тут ему и *аминь* пришел», а зубную боль и ломоту прогоняли заговором:

На небе светел месяц,
На море белый камень,
В поле сырой дуб;
Когда эти три брата сойдутся,
Тогда, мои зубы, всходитесь;
Аминь цинге, *аминь* ломоте.

Сравните в стихотворении А.С. Пушкина «Делибаш»:

Делибаш! не суйся к лаве,
Пожалей свое житье;
Вмиг *аминь* лихой забаве:
Попадешься на копье⁷⁸.
(курсив мой. — В. К.)

Слово «аминь» в значении «конец», «кончено» в сущности может быть синонимично по смыслу выражению «вечная память».

Именно так понял «аминь» в «Слове о полку Игореве» И.А. Новиков, закончив свой перевод словами:

«Князьям — слава!
А дружине,
Полегшей в бою, —
Вечная память!»⁷⁹

И такое понимание глубоко верно по сути, ведь Автор «Слова» напоминает о погибшей дружине, которую не воскресить...

Он напоминает о гибели русского «злата и серебра», русских соколов — храбрых воинов, ставших жертвой гордыни, честолюбия, духовного ослепления и забвения Бога.

Автор «Слова» никого и ни к чему не призывает. Великая литература — не агитка. Великая литература ставит перед нами вечные вопросы, напоминая нам о наших болезнях: как жить? по собственному ли разумению? по собственной ли воле? потакая своему безрассудству и честолюбию? лелея свою гордыню и пороки? отринув веру? забыв о Боге?..

Вечные вопросы... Это не я задаю их...

Это Автор «Слова», поэт и патриот, спрашивает нас, многомудрых детей третьего тысячелетия, напоминая о том, что *потаkanie страстям и забвение Бога ведут к гибели...*

⁷⁸ Пушкин А.С. Указ. соч. Т. 3. С. 199.

⁷⁹ Новиков И.А. Слово о полку Игореве // Слово о полку Игореве. Л.: Советский писатель, 1952. С. 110.